

НЕПОДХОДЯЩИЕ ЛЮДИ

ОЛЬГА ВЕЧНАЯ

Ольга Вечная

Неподходящие люди

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67966007
2022

Аннотация

Есть простые решения, есть сложные. А есть – единственно правильные, пусть даже обходятся они непомерно дорого. За свои мне пришлось бороться до самого конца; конца света, если хотите, в масштабе жизни обычной двадцатитрехлетней девушки. В этой истории я расскажу вам о людях, которые не должны были остаться вместе ни при каких обстоятельствах, об испытаниях, которые не объединяют, а разрушают семьи. О том, что упасть на колени не стыдно, и как бы страшно ни было – во что бы то ни стало нужно подниматься. Хотя бы ради самого неподходящего человека.

Что если, несмотря на слабость и наивность, у меня все-таки получится пережить свой собственный конец света? Эта история – о добре и зле, правде и лжи, любви и ненависти, это история о нас, не подходящих друг другу людях.

Предупреждения: 18+, роман содержит сцены насилия (не героя над героиней), жестокости, эротику и ненормативную лексику.

Содержание

Часть I

4

Конец ознакомительного фрагмента.

76

Ольга Вечная

Неподходящие люди

*Все события, герои, названия вымышлены.
Любое совпадение с реальностью случайно.*

Часть I

Я слушаю наше дыхание (с)

В последнее время я перестала нравиться людям. Грубая, замкнутая, спорящая со всеми девчонка, воспринимающая любые советы в штыки еще до того, как дослушаю их до конца. Если дослушаю. Раньше я не была колючей, обстоятельства заставили нарастить броню, обзавестись оружием, будь то острый взгляд или язык. Когда ищешь надежду в глазах тех, от кого зависит не чужая тебе, а точнее – *его* жизнь, а видишь лишь насмешку или безразличие, по-тихому звереешь. Его жизнь, моя... связали нас, метафорично выражаясь, грубой веревкой, толстой проволокой, если хотите. То еще удовольствие, знаете ли. Мы не желали этого, не стремились, каждый шел собственной дорогой, строил планы. Нам даже знакомиться было не обязательно. Он-то точно проклинает тот день, Ванька мой. А я? Что я? Просто живу, борюсь по-

тихому за него, за нашу правду. Просто если и я брошу его... не хочу даже думать о том, чтобы жить в мире, в котором даже я его брошу.

Фу, мерзкий, отвратительный мир. Я сделаю его другим. Разобьюсь в лепешку, но сделаю.

Даже не знаю, какой именно день считать началом падения, потому что далеко не сразу осознала, что лечу в пропасть вниз головой, да еще и со связанными за спиной руками. Скорость набираю постепенно, чернота накладывается слоями, делая светлое серым, а серое – черным. Хорошее тоже помнится, за него и держусь, бережно храню и украдкой, за закрытой дверью, вдыхаю, как подсевшая на счастье дуреха – заветную дозу желаемого удовольствия. Мне дали надежду, Ванька мой дал, а теперь попробуйте отберите.

Пик безысходности, наверное, я почувствовала в тот вечер, когда родные купили дорожущее шампанское, запекли мясо по-французски. Эти бутеры с икрой мне в кошмарах снятся на тарелочке белой, особой, с верхней полки шкафа. «Праздник какой-то, что ли?» – подумала я, заходя на кухню, а родители отмечают, смеются. Темы такие воодушевляющие, дескать, кредит погасим, ремонт сделаем. На море съездим!

На море всем вместе? Шутите, что ли. Не то чтобы наша семья стояла на пороге нищеты, просто обычно находились дела поважнее: некогда, лишние траты, обойтись мож-

но. Кто-то умеет деньги делать из воздуха, а кто-то зарабатывать. Вторые считают, что первые – воры и бандиты, первым до вторых вообще нет дела. Но кто-то же должен стоять у станка и учить детей, вот мы как раз относимся ко второй категории людей. И тут вдруг – ремонт, поездка! Причем одновременно.

– Папу повысили? – маловероятно, поэтому спрашиваю с замирианием сердца. В этот день мне очень нужны были хорошие новости, я села за стол и запихала бутер с чертовой икрой в рот целиком, принялась усердно жевать. Устала на работе, едва на ногах стою, а тут горячий ужин, настроение хорошее. Класс!

– Юля, есть разговор важный, – строго говорит отец, но глаза горят, улыбка то и дело рисуется на губах. – Прожуй хорошенько. Ну же, не торопись, – ласково говорит, любовно даже. А мне и невдомек, что это меня повысили, вернее, подарками задарили. И что не я на родителей гляжу в ожидании чуда, а они на меня.

Как на выигрыш в лотерее.

Младшая сестра Люська выбегает из нашей с ней комнаты, хватая меня за руку и тащит за собой. Она все еще не переделалась в домашнее, может, гости у нас были и недавно ушли? Начинаю подозревать неладное.

– Юль, ты только посмотри, что дядя принес! – вопит она.

– Да подожди, я поем... Эй, мелкая, папа хочет погово-

ритель... – но ей по барабану, тащит и хоть убейся – но встань и топай следом. А в комнате, которую мы с ней делим на двоих, на стареньком столе стоит совершенно новый ноутбук. Серебристый, красивый. А на кровати валяются коробки с айпадами и прочей яблочной техникой.

– Откуда? – спрашиваю пораженно. Здесь столько всего, что нам всей семьей полгода вкалывать, перебиваясь с хлеба на воду. А когда мне сообщают откуда, мир начинает рушиться, колени становятся мягкими, а сердце разгоняется так быстро, что становится дурно. Воздуха мало. А еще тошно от того, что ставят перед подобным выбором. Эти же люди меня воспитывали, а теперь удивляются реакции. Не так воспитывали, не подлой ведь!

Вам, наверное, интересно узнать, сколько мне лет. Двадцать три недавно исполнилось, в свой День Рождения я возвращалась домой из ресторана и познакомилась с Ванькой. Подарочек мой, горе мое и радость бесконечная.

Вообще, он очень не похож на меня, из состоятельной семьи. Не той, где родители на День Святого Валентина дарят друг другу яхты, но единственному сыну машину купили, и не дешевую. Когда он заехал за мной на следующий день после знакомства, мои очень удивились, вопросы задавали, советовали держаться за него крепче. Быстро же они его разлюбили. Продали вместе со мной за... айпады.

Ванька – мальчишка еще совсем по сравнению со мной, тетей взрослой. Да что там говорить, со мной как бы все ясно

давно, судьба predetermined. А у него перспективы, он на каникулы домой приехал, учился в большом городе. Сессию закрыл и приехал, а тут я красавица, и голову потерял. Надо же, как бывает в жизни. Но подобное могло только с ним случиться, он особенный у меня. Мой уникальный Ваня.

Папа быстро говорит про деньги, про то, что нужно бабушку отправить на лечение, это ей жизнь продлит на несколько лет, та, к слову, из своей комнаты не выходит, предпочитая не вмешиваться, но слышит каждое слово – не сомневаюсь. Не просит, но и не возмущается.

Да и им с мамой не мешает в санаторий съездить. Травки – это, конечно хорошо, но примерно на том же уровне, что и самовнушение. Когда есть возможности, подобной хренью не занимаются. Это он так ответственность на мои плечи со своих перекладывает. На мои узкие двадцатитрехлетние плечи. Можно подумать, я не знаю, как у нас дела обстоят, и какие потребности.

Знаю я.

И про ремонт знаю.

И про то, что на море мы ни разу не были.

Жестоко с его стороны перечислять наши нужды вновь и вновь, глядя в мои глаза, будто я в состоянии что-то изменить в один день. Неправда, не в состоянии. Не сыпятся они на голову, деньги такие крупные, разве что если к кирпичу привязаны...

И объясните, как жить-то потом после подобных решений? Совесть-то тяжелее кирпича иной раз, так шибанет, до старости не оправиться. Как улыбаться после этого, папа? Опустив голову, бреду в прихожую, надеваю кроссовки на чулки, игнорируя то, что по-прежнему в строгом костюме, и выхожу на улицу, унося ноги от невыносимого разговора. Снаружи много воздуха, там хорошо. Представляю, как мои легкие в груди набирают объем. Что-то еще себе представляю, пока иду в сторону остановки.

Когда Ванька заехал за мной на следующий день после знакомства, очень удивил визитом. Он мой номер телефона запомнил на слух с первого раза, причем я даже не ему его называла. Просто случайно подслушал и на следующий день набрал по памяти, не ошибся ни в одной цифре. Я никого видеть не хотела, сидела в своей комнате, пялилась в угол, чувствовала себя на десятку по пятибалльной шкале омерзения, а он позвонил и бодро сказал: «спускайся, показать тебе что-то хочу». Я оделась и спустилась. К нему.

Не помню, почему не решилась сразу сесть в машину, но что-то остановило. Замерла у капота серебристой иномарки, а Ваня глаза от руля оторвал, заметил меня и машет, дескать, давай, забирайся. И улыбнулся широко, будто искренне обрадовался встрече. Когда я устроилась на пассажирском сиденье рядом с ним, сразу спину выпрямила, колени стиснула. Он нажал на кнопку и замки щелкнули, а потом машина тро-

нулась с места. В момент, когда он замкнул двери, я неожиданно почувствовала себя в безопасности. Удивилась собственным ощущениям. Глаза вытаращила, смотрю на него, а он свои тоже округлил в немом вопросе: что не так?

– Все в порядке? – осторожно спрашивает, следя за моей реакцией. – Ты же понимаешь, что как только скажешь – я в любой момент машину остановлю и выпущу тебя. Если только разрешено будет. Мы через мост поедem, там нельзя, даже если приспичит, ладно? И домой тебя отвезу сразу, как скажешь.

Я решаю довериться интуиции и киваю ему, он тут же расслабляется. Заметно, что подобные разговоры его тяготят. Он хмурится, а я, чтобы поддержать, улыбаюсь ему, устраиваясь удобнее.

Сижу рядом, он музыку врубил, что-то русское, попсовое – вообще не солидное и не крутое, то ли Темникова, то ли «Серебро», да так громко, что перепонкам больно. Поглядываю на него, а он на меня, и улыбается уголками губ, хотя моментами морщится от... «удовольствия». Становится смешно, я умоляю выключить, ладони свожу вместе и хохочу от души, а он вдруг воздух ребром ладони разрезал и приказал подпевать.

Угрожает, что на повтор поставит, пока не выучу наизусть. Маньяк! Чудовище! Кричу ему, что так меня еще не пытали, и мы смеемся вместе, хотя каждый понимает, что шуточка – атас. Но нужно было переломить ситуацию, а иначе никак.

Иначе лишь разойтись в разные стороны и избегать даже пересекаться взглядами.

Но расходиться не хочется ни ему, ни мне. И мы отчаянно ищем выход или, вернее, безопасные пути, сглаживаем опасные моменты. И то, что стараемся оба в равной степени – рождает новые силы бороться.

У него на руле кнопки переключения треков и регулирования звука, в этой машине он царь и бог – что хочет, то творит. Классно.

Забавный такой, мальчишка совсем. Симпатичный даже сейчас, когда глаз синий, скула отекла и губа нижняя припухла, словно ботоксом накачали, причем лишь с одной стороны – с левой.

– Тебя родители нормально отпустили со мной? – спрашивает он, сделав потише. Видимо, заметил, что мне стало комфортнее, и решился начать разговор.

– А тебя? – не остаюсь в долгу. Он смеется низко и хрипло, дескать, сам себе давно хозяин. Ну-ну. – А сколько тебе лет? Ты так и не сказал.

– А тебе? – тут же парирует.

– Двадцать три, – отвечаю незамедлительно и с наслаждением ловлю секундную растерянность, отразившуюся в его глазах. Не ожидал? – Я давно уже работаю и ты будешь в шоке, узнав кем.

– Двадцать три? – удивляется. – Я думал – меньше.

А я думала, таких людей, как ты, не существует, но ты

рядом, а я на пассажирском сиденье в твоей машине.

Он все еще в замешательстве. Что ж Ванька, вези меня – старую тетю – домой, но он этого не делает, лишь добавляет скорости.

– Вань, покажи права. Ну пожалуйста. Иначе... я снова начну плакать.

Шантаж? Еще какой!

Он пугается, брови резко вверх, взгляд мечется по панели, машина даже скорость сбрасывает. Кстати, куда мы едем? По центру катаемся.

Ванька овладевает собой и меняет тему разговора:

– Я их дома забыл, – подмигивает. – Ты куда-нибудь хочешь? Или просто катаемся?

Качаю головой. Куда я еще могу хотеть?

– Может, голодная. Или...

– Нет, все в порядке.

– Ты говори, если хочешь там... ну одной побыть или домой.

– Нет! – Он вздрагивает от моего выкрика, я и сама вздрагиваю. Добавляю более мягко: – Одна не хочу быть, с тобой хорошо. Просто... не могу понять, зачем это тебе?

– Понравилась, вот и все.

– Чем? – этот вопрос, а точнее – тон, которым я его озвучила, выдает меня с потрохами. Вновь чувствую себя жалкой, а он или не замечает этого, или умышленно игнорирует.

– Не знаю... Ты красивая и смелая. Это заводит.

– И сейчас красивая? – смотрю, а у него костяшки пальцев разбиты, немного блестят – намазаны чем-то, наверное. Машинально поправляю волосы, я часто так делаю в последние сутки, у меня на голове целого клока не хватает, и ощущение, что все только и смотрят на плешь, которую я перед зеркалом так и не смогла отыскать, но, может, с другого ракурса она бросается в глаза? Когда выдирают волосы, очень больно, но *выдравшему* потом больнее было намного.

Я пытаюсь понять, где Ваня может прятать права, все же нужно выяснить, сколько ему лет. Он из тех парней, что непонятно: от восемнадцати до двадцати пяти. С одной стороны, взрослый, развитый и физически, и взгляд умный, заметно, что думать умеет о чем-то сложнее, чем муха на потолке. С другой, что-то подсказывает – пацан еще. Хороший, красивый, перспективный. Однозначно, он особенный, честный и порядочный, с ним будет много счастья у какой-нибудь девушки. Не у меня, разумеется. Вообще непонятно, зачем приехал сегодня.

Поддержать? Настолько хороший, что просто приехал поддержать, катает на своей машине, пытается шутить. Время тратит.

Следующие три дня он приезжает каждый вечер, и я начинаю ждать его сообщение со словом «спускайся». Первая ни разу не написала, стыдно, вдруг надоела, а навязываюсь. Если вам уже тошно читать о моей низкой самооценке, не спешите делать выводы, вы потом еще поражены будете, как

я вообще набралась смелости ему в глаза посмотреть.

Каждую нашу встречу устраивает именно он, и от этого уютно. Хотя с ним в принципе уютно, и мне становится интересно: это только мне так или он по жизни легкий, компанейский?

Запросто рассказывает, где учится, подрабатывает, каким спортом занимается. Семья у него хорошая, папа – инженер на заводе, мама в министерстве на высокой должности, но и сам парень не промах, студент-химик вуза, входящего в лучшую пятерку страны. После каждого проведенного рядом с ним вечера я прибегаю домой окрыленная, улыбающаяся, а внутри словно птица бьется, сердце колотится тук-тук-тук, и вроде бы слишком быстро стучит, ощутимо, но от этого лишь приятнее и волнительнее. Осознаю, что у нас с ним самые настоящие свидания, и начинаю потихоньку наряжаться. Сначала чуть больше времени трачу на укладку волос, затем решаюсь на косметику. Меняюсь для него постепенно день за днем, чтобы не догадался, что без ума от него. Испугается еще napopa. Вдруг он со мной из жалости или от скуки – вечерок скоротать за беседой, а я тут во всеоружии выйду со стрелищами на глазах и губищами красными. А ему и не надо все это! Кошмар! Вот же неловко будет обоим! Стыд и позор мне, глупой. Но и нравится хочется, поэтому я наношу пудру на лицо, чуть-чуть румян на скулы, использую капельку блеска для губ, выбираю белье цельными комплектами, тщательно брею ноги и бикини, крашу ногти.

Мой Ванька – герой, потрясающий человек. Почему-то именно его внимание становится особенно важным и сверхнеобходимым. Он, конечно, строит из себя джентльмена и ни на что не намекает, но поглядывать на мои колени начал – я заметила на четвертый день, когда впервые надела юбку.

– А много у тебя девушек было? – пару дней, как мы начали говорить на личные темы. В данный момент лежим с ним в машине и смотрим на черное небо через опущенные окна. Сегодня мы... кхм, на Горе Любви, самой высокой точке окрестностей, весь город отсюда как на ладони, но адреналин плещется в венах и ладони влажные у меня не от открывающихся изумительных видов. Лежащий рядом молодой мужчина ездит и ездит ко мне, поглядывает по-особенному. У него карие беззаботные глаза, которые обычно насмешливы, он ведь шутит без остановки! Причем неважно, смешно или нет – болтает, стараясь меня растормошить или показаться важной шишкой. Цену себе набивает, это заметно и льстит. Но иногда серьезнеет, о чем-то важном задумавшись, в такие моменты он выглядит совсем взрослым, а у меня внутри все замирает, душа леденеет и осыпается мелкой крошкой к его ногам. От того, что нравится он такой еще больше.

– А что? – спрашивает без улыбки. – Какой-то контроль на входе? – мне кажется, он раньше курил, потому что его правая рука то и дело тянется к карману, а затем останавливается и возвращается в прежнее положение. И он часто жу-

ет жвачку, правда, недолго: пару минут и выбрасывает. Вот и сейчас дернулся к карману, затем к бардачку за «Орбитом».

– Просто интересно. Вдруг подумала, интересно, есть ли у тебя подружка. И если да, то какая она.

Сама губы сжимаю, понимая, что слишком. Лишнее ляпнула. Но он на эту тему не говорит, а мне важно выяснить. Я о нем все дни думаю, он мне во сне снится. Хотя бы примерно представлять, какие перспективы... Ну пожалуйста, только не солги.

– Ага, у меня подружка, а я с тобой все вечера провожу, – поворачивается ко мне, – как ты все грамотно придумала.

Током прошибает от его признания и серьезного тона. По позвоночнику. Не бывает такого, конечно, чтобы от осознания намерений парня девушку разрядами било, но не знаю, как еще донести те ощущения, которые испытываю. Волоски на теле встали дыбом, теплая волна прокатилась с кончиков пальцев до макушки. Жарко.

Я тоже медленно поворачиваюсь к нему, за окном темно, но из-за дальних фонарей мы неплохо друг друга видим. У него заметная щетина на лице, хотя обычно приезжал гладко выбритым, но мне нравится эта небрежность. Ему идет. Я смотрю на две крошечные бледные родинки на его щеке, которые издалека незаметны. Его рука тянется к моей, он сжимает мои пальцы.

Не знаю, что действует сильнее: момент, Бутусов по радио со своим волнующим «Дыханием», Ванина улыбка... но

я сжимаю его пальцы в ответ, поощряя. Он тянется и целует меня. Сразу в губы. Они у него мягкие и теплые, хоть и не зажившие до конца, как и у меня, впрочем. Мы действуем осторожно, чтобы не вскрыть только-только затянувшиеся раны. Я трепещу лишь от касания, в голове не остается ни одной мысли, там фейерверки и безудержное кан-кан шоу.

Движения его губ становятся настойчивее. Ваня меняет положение, нависает надо мной, с наслаждением лаская мой рот. Дрожащими пальцами веду по его твердым плечам, шее, затылку. Пропускаю темно-русые волосы сквозь пальцы, слегка стягивая. Его ладонь на моем животе, он растопыривает пальцы и гладит, дотрагиваясь то до груди, то до белья под юбкой. Он просто гладит мой живот, сминая ткань топа, и целует в губы, а я плавлюсь. Все еще не могу поверить, что он хочет меня после случившегося. И... так красиво хочет, его желание невозможно игнорировать, я вижу вздыбленную ширинку, чувствую, как часто он дышит. Отрывается от моих губ только чтобы, клянусь, только чтобы продышаться, и целует снова, углубляясь. Наши языки словно созданы для того, чтобы ласкать друг друга. Очень нежно и приятно все получается. По-особенному.

И долго. Мы теряем счет времени, даря удовольствие друг другу.

Он со мной не как с хрустальной вазой, и сжимает, и прикусывает, иной раз настаивает, от нетерпения тихо рычит – одним словом, сильно хочет, но мне это нравится. Внизу жи-

вота становится горячо, вот как сильно нравится.

Не знаю, в какой момент я в него влюбилась. В тот, когда он оторвался от меня, поднял лицо и взглянул в глаза своими округленными от переполняющих эмоций, да с таким обожанием и восхищением, что я ахнула в его руках. Он был сильно возбужден, старался держать себя в руках, но иногда срывался на дрожь, и все это от страсти, жажды моего тела. Он потерял голову. Он выглядел потрясающе.

Или когда спас меня от ублюдков, затащивших в парк. Я возвращалась с вечеринки по случаю собственного дня рождения, где из-за пустяка сильно рассорилась с подружкой, с которой мы должны были вместе взять такси до дома. Я психанула и пошла пешком. Путь неблизкий, но этим маршрутом каждый день на работу добираюсь, плюс два квартала. Единственное, что хожу днем, а сейчас ночь и безлюдно. Зато лето, тепло, воздух душистый, влажный. Кайфово на улице, почему бы не прогуляться?

Иду быстрым шагом, в голове прокручивая ссору, пытаюсь понять, в какой момент что ответила неверно и как можно было обойти конфликтную ситуацию. А затем они появились – несколько парней. Прицепились, принялись шутить, комплименты делать. Не знаю, почему не начала звать на помощь, истерично орать и топтать ногами немедленно. Прохожих мало, но иногда попадались. Как-то стыдно стало, неудобно, да и не верилось, что может что-то плохое про-

изойти. Они меня решили проводить, а потом вдруг под руки схватили и в переулочок, ойкнуть не успела, как оттуда в парк затащили через дыру в заборе. И устроили мне... праздник по полной программе.

Трое их было, не маньяки-преступники-бандиты или неформалы, а вполне обычные ребята, прилично одетые, молодые. Трезвые. Но, возможно, под наркотой, я не очень разбираюсь. Они хотели пошутить, развлечься, и потеряли тормоза. Один из них – заводила, это сразу заметно, остальные сами по себе вроде безобидны, но главному в рот заглядывают, угодить стараются. Может быть, и изнасиловали бы меня в первые же минуты, но у меня месячные шли, один руку в трусы засунул, сначала орать и хохотать начал, дескать, течет сука, а потом как увидел, что кровь, давай плевать. Еще и пощечину влепил, что запачкала его.

Брезгливые попались ребятки, в трусы больше не полезли. Раздели только до пояса, швыряли друг к другу, как вещь, за грудь хватали, пальцы свои мерзкие мне в рот пихали. Когда пыталась кричать – били ладонями по лицу и по груди, угрожали: «ты, сука, или ртом работаешь или зад подставляй. Решайся». Члены свои демонстрировали. Как надоело им над ужасом в моих глазах потешаться, на колени швырнули. Унижению, казалось, конца не будет. Один хотел помочь на меня, но заводила гаркнул, что пока рано. «Пока».

Земля сырая, ноги мерзнут, несмотря на то, что лето. Туфли я давно уже потеряла, платье изодрано. Оно у меня

единственное выходное было. Глаза закрыть хочу, щиплет их сильно, но только смыкаю ресницы, бьют, призывают смотреть и любоваться, как дробят. Не знаю, сколько бы это времени длилось, всю ночь, до утра? Страшно, отвратительно.

– Хей, мужики, а че вы делаете? – как в кино, голос за спиной. Незнакомый, мужской. Я почему-то кутаться начинаю, натягивать на грудь лоскутки ткани, словно перед этими уже не стыдно, а перед новым человеком неудобно в таком виде. Плачу, но уже беззвучно, лишь плечи трясутся.

– Шлюха работает, ей хорошо заплатят по тарифу. А ты, чувак, топай куда шел, у нас тут все в порядке, – с хохотом отвечают. – Скажи, что тебе нравится. Давай, скажи, – один из них берет меня за горло, заглядывает в глаза, подсвечивая телефоном, и я понимаю, что это угроза. Пытаюсь что-то прохрипеть в ответ, но срываюсь в рыдания.

– Точно в порядке?

– У тебя какие-то проблемы? – они понимают численное превосходство и открыто угрожают.

– Да вот узнать хотел, с вами можно? Бл*ть, давно мне не сосали, – весело говорит новенький, – я тоже скинусь. Сколько? – и направляется в нашу сторону. Я понимаю, что этому аду конца не будет, сначала старалась рассмотреть и запомнить их лица, голоса, чтобы потом в полиции описать подробно, но при появлении еще одного *животного* испытываю такое безграничное отчаяние, что и вовсе забываю о надежде на правосудие и расплату. Я просто перестаю верить,

что выживу, и прошу свое отчаявшееся сердце остановиться. Физически больно от несправедливости, сейчас эти уроды еще и заработают на мне. И сделать ничего не могу. Даже приказать себе потерять сознание.

– Помогите... пожалуйста... – пытаюсь успеть взмолиться, – но мне зажимают рот и на ухо снова угрозы, дословно помню, но даже мысленно повторить не смогу, противно. Ставят меня перед ранее предложенным выбором: отработать придется в любом случае, и чем лучше вымотаю их ртом, тем меньше достанется заднице. Сама решай, что предпочтительнее.

Сама.

И чтобы с огоньком старалась, не филонила.

Насильники хохочут, подзывают новенького, дескать, давай бабосы в общий котел. Он подходит, я скашиваю взгляд и вижу, что держится за ремень, начинает расстегивать, осознаю, что меня сейчас вырвет. А затем все меняется. Внезапно. Быстрое движение прямо перед моим носом, глухой удар – резким движением новенький бьет ногой того, кто на корточках возле меня, а я делаю жадный вдох, будто из-под воды выныриваю, ведь дыхание теперь свободное! Мое горло больше не сжимают. Оно саднит, но это ерунда. Тем временем новенький в прыжке лбом припечатывает второго, да так сильно, что тот падает на землю, вырубившись. С третьим начинается ожесточенная драка, они осыпают друг друга ударами, толкаются, орут, валяются по земле, но мой спа-

ситель в итоге побеждает: заводила, спотыкаясь и падая, бросив друзей, бежит в темноту дальних деревьев.

Спаситель ли?

Я в ужасе таращусь на победителя, кутаясь в свои лоскутки, не способная понять, передо мной освобождение или новая угроза. Когда он приближается, я все еще на коленях, сжимаюсь в комочек, прикрываю руками голову и молю не бить, но он накидывает мне на плечи свою ветровку и помогает подняться на ноги. Затем быстро шарит по карманам начинающих приходить в себя парней, находит у одного из них документы и забирает их, хватая меня за плечи и поспешно уводит оттуда, я едва успеваю прихватить с земли сумочку с мобильным и кошельком.

Мой спутник много матерится сквозь зубы, особенно когда мы выходим на освещенную улицу и он окидывает меня взглядом. Надкусив край, отрывает большой кусок ткани от своей футболки и сует мне, показывает знаком вытираться. Его лицо выражает столько злобы и отвращения, что я вновь начинаю плакать. Пока привожу себя в порядок, он вновь и вновь звонит по мобильному.

– Вызвал, бл*ть, полицию, когда заметил вас десять минут назад, ждал, ждал, но конца не было, и помощь не спешит ехать.

Мы простояли там еще пятнадцать минут, карауля дыру в заборе – ни машин с мигалками, ни спасательных вертолетов.

– Давай такси возьмем, – говорит он, листая отнятый паспорт. – Тебя домой мыться или в полицию? – и смотрит внимательно, прищурившись. В этот момент понимаю, что это испытание, и от моего решения зависит его ко мне отношение. Струшу ли?

Правильно ли он сделал, что спас меня, или я действительно там... «работала»?

– В полицию, – отвечаю решительно. – Тебе больно?

– Нормально, – прижимая к губе ватный диск, который я ему протянула.

– Спасибо тебе. Меня Юлей зовут.

– Ваня.

Он вызывает такси и мы едем в травматологию, где с меня снимают побои, затем в полицейский участок, где берут показания, учат писать заявление.

И вот сейчас этот парень, который видел меня в самом жалком из всех возможных состояний, лежит сверху, целует, словно забыв, как меня использовали. Ему не противно. А мне? От его ласк и взглядов я дрожу и дышу прерывисто, жадно хватаясь за широкие плечи. Стоны удовольствия вырываются из моих губ, когда он посасывает кожу на моей шее, втягивает в себя, утыкается лицом в ложбинку между грудей и урчит от удовольствия. Я низко смеюсь, и он тоже улыбается. Одобрительно поглаживаю по затылку, слегка прижимая к себе.

Черт, мы словно обезумели.

Он действует неспешно, нежно, но одновременно напористо. Идеальный темп для прелюдии. Шарит ладонями по моему телу, распалая, выпрашивая ответную реакцию на свою жажду. Он проводит языком между грудей сначала один раз, затем два подряд. Влажно, чувственно, он сжимает их и тащится от этого. Наверное, догадался, что я бы ни за что не выбрала для встречи с ним одежду со столь глубоким вырезом, если бы не хотела, чтобы его губы и язык оказались там.

Он стягивает с моего плеча майку и ляпочку бюстгалтера, оголяя левую грудь. Стонет, когда видит ее, тихо, помужски, но я слышу и знаю, что он в экстазе. А потом впиивается ртом, втягивает в себя сосок, гуляя языком по ореолу. А я выгибаюсь, подавая себя ему. Отдаваясь этим рукам, стягивая правую ляпку, намекая на очевидное.

На Горе Любви слишком смело, мы не одни в этом популярном месте, поэтому когда доходим до точки невозврата, оба покрасневшие, горячие, жадные до тел друг друга, он отрывается от меня и возвращается за руль. Везет нас куда-то дальше, где деревьев больше, а людей и машин меньше. У самого штаны вздыбленные. Я робко кладу ладонь на его бедро, поглаживаю, наблюдая за реакцией, он тут же перекладывает ее на ширинку и сдавливает, а у самого от удовольствия глаза закатываются.

Еще и машину ведет, бедненький. Я сейчас вообще ни на что не способна.

Он, конечно, у меня не десятый и не пятый, откуда бы? Но и не первый. Я взрослая женщина, но рядом с ним теряю остатки контроля. Никогда я не была так сильно восхищена парнем, никогда не задыхалась от дикой, животной потребности почувствовать в себе его член, я даже думать ни о чем другом не могу, умолять готова. Да чтоб жестче и сильнее брал мое тело, чтобы не сдерживал себя в толчках. Мне самой это надо, разрядка нужна, и не только внизу живота вспышка, а чтобы все тело дрожало да кончики пальцев немели. Чтобы потом еще сутки чувствовать, что с мужчиной была. По-настоящему хочу, на полную катушку. Смотрю на него, губы кусаю, он тоже свои от нетерпения.

Этот человек с ума меня сводит. Крыша едет, мозг отключается. Я ведь учительница, пример для подражания, нельзя мне под кустом с первым встречным! Уверена, он еще и помладше меня будет! Но раз машину ведет, значит, совершеннолетний – одно успокаивает.

Вот черт. Какой-то малознакомый пацан без объяснений и признаний везет меня в пустынное место трахаться, а я сжимаю его стояк через джинсы, а второй рукой надавливаю себе между ног.

– Продолжай, малышка. Будь готова, когда я... Хочу, чтобы была готова, не остывай. Черт, где же мы встанем? – он оглядывается, ища подходящее место, а я вообще не осознаю, где мы находимся. Возможно, он вывез меня в центр города, возможно, отвез на мост и сейчас пустит машину в

реку. Кто его знает... Возможно, я сейчас взорвусь от степени готовности. Двадцать из десяти, клянусь вам.

Когда, наконец, он дергает ручник и поворачивается ко мне, я замираю, доверчиво гляжу ему в глаза, как ребенок на деда мороза. Это длится секунду, а потом он улыбается и притягивает меня к себе.

– Я без ума от тебя, Юлечка, ты такая вкусная, классная. Если спешу, останови, но если тоже хочешь, черт, давай продолжим, Юль. Самая красивая девушка, которую я только видел.

Мы перебираемся на заднее сиденье, долго пытаемся найти лучшую позу, где бы он был сверху, но все как-то неловко и неудобно, в итоге он полусидя откидывается на сиденье, а я опускаюсь сверху.

– Ты скоро уезжаешь? – спрашиваю между жадными поцелуями.

– Без тебя никуда не поеду, – он так же пылко отвечает. И понимаю же, что под воздействием стояка говорит, а приятно все равно. – Надолго. С тобой надолго.

– Не обещай лишнего, не будь жестоким.

– Юля, с ума схожу. Хорошая моя девочка, иди сюда, ко мне ближе.

– Куда уж ближе, Вань?

– Я покажу куда.

Я давно рассталась с парнем, и сейчас мне кажется, что вообще ни разу в жизни этим не занималась. Ощущений мно-

го, приятно, чуть больно, но от этого лишь острее и лучше. Я хочу острее, с ним мне нужно на пределе и двигаться, и удовольствие получать. А Ванька горячий, возбужденный. Глажу пальцами его плечи, да так, что следы на покрасневшейся коже остаются, зацеловываю грудь с небольшой порослью волос, слизываю капельки пота с его шеи. И чувствую себя самой красивой и сексуальной женщиной на свете.

Привыкаю к его размеру, двигаясь медленно и только бедрами. На самом деле, когда он вошел полностью, я так громко застонала, что он выругался и не заметил этого. А затем я совершаю движение вверх-вниз, плавное, осторожное, и зрительный контакт между нами – долгий, волнующий. Пока темп не становится быстрее и наши губы вновь не сливаются в поцелуе.

А после мы лежим молча некоторое время, обнимаясь, вдыхая развратный запах секса, перебиваемый свежим воздухом из приоткрытого окна. Задние стекла у машины тонированные, двери замкнуты, и я точно знаю, что никто не постучится. А если постучится, то с Ваней не страшно. Спокойно, хорошо.

– Мне хочется их найти и убить, – ошарашивает он меня несколькими минутами позже. Застегнул штаны, неспешно водит пальцами по моей груди. И тут эти слова... Я ведь сразу понимаю, о ком он, поэтому ошутимо вздрагиваю, забыла ведь, и вообще та ночь из головы вылетела. У него, на-

верное, нет. Вновь чувствую отчаяние, а он обнимает меня крепче. – Отловить по одному и бить, пока кровью не захлебнутся. Знаешь, мне это снится. Как убиваю. Это плохо? Документы я ведь видел, наизусть запомнил и ФИО, и паспортные данные, кручу их в голове, то слева направо, то справа налево. Почему бы не поискать самому хотя бы одного.

– Не вздумай ничего подобного делать. Пусть полиция с ними разбирается.

– Они даже не нашли их пока, хм. Что-то подсказывает, и не найдут, пропали бесследно твари. Мистика.

– Вань, Ванечка, пожалуйста, только без глупостей. Они того не стоят. Самосуд тут не поможет.

– Тогда поехали со мной? Я первого сентября уезжаю в Край. Что тебе тут делать?

– У меня работа, семья...

– Это семья твоих родителей, а не твоя. Поехали. Устроишься в школу в городе. Как-то будет. Я помогу, обещаю. Тут воспоминания и эти уроды, которых еще х*р найдут. Надо было все же дожидаться полиции, просто сил не было бездействовать даже недолго. Что ж они так долго ехали? Ни пробок ведь, ни дел других важных.

Он слишком молод и импульсивен, но его слова приятны. Может, завтра он будет думать иначе и пожалеет о своем предложении, но сейчас говорит искренне, действительно готов забрать меня с собой. Я прекрасно понимаю наши перспективы, в сказки не верю, но даже если через пару ча-

сов мы разойдемся в разные стороны навсегда, я не пожалею об этой ночи. Эта ночь для меня, она полна удовольствия и доверия, насыщена страстью и вкусом. Ваня физически не способен обидеть меня, а уж тем, что не полюбит – тем более. Сегодня рядом с ним мне хорошо, я влюблена и счастлива.

Почему-то мне казалось, что у нас очень мало времени, и что если я хочу его, то мне нужно сделать это быстрее – переспать с ним. Я думала, из-за того, что он вот-вот уедет в большой город и оборвет тем самым нашу связь. В чем-то я оказалась права, в чем-то заблуждалась. Но я сдержала слово и ни разу не пожалела об этой ночи в его объятиях. Он стал моим подарком. Моей верой.

Весь следующий день Ваня забрасывает меня сообщениями, давая понять, что не намерен делать вид, что ничего не было. Еще как было, и он хочет большего. У него грандиозные планы. На работе занята, какие сомнения, но украдкой читаю его смс-ки, иногда даже пару слов шлю в ответ, он возвращает смайлики.

«Ты уже сообщила директору, что увольняешься?»

Смешной.

«Давай купим тебе большой чемодан? Я тут, пока мать ждал с работы, заглянул в один магазин и присмотрел клевый. Мне удобно его таскать будет».

Следующая ночь напоминает предыдущую по ощущениям, но проходит в более комфортных условиях – Ваня при-

вез меня к себе домой. Родители отдыхают на даче, и он решил – почему бы и нет. Неловко мне, что тут скрывать, все еще не представляю, в каком я статусе. Пытаюсь нащупать ту грань, чтобы и не оттолкнуть его, и не показаться всегда доступной. Хоть бы не решил, что я и вправду проститутка и работала в ту ночь...

Но он так не решил. Носится со мной, как с особенной. Вкуснятины накопил, ванну для меня набрал горячую с пеной, потом массаж делал, но короткий, скорее, чтобы был повод потискать. И опять очень нежно, чувственно трахал. Режет слух это слово, да? Заменить на «любил»? Я слишком прагматична, чтобы употреблять «любил», когда дело касается секса после недели знакомства, но... классно же было. Все ждала, покажет ли пренебрежение – не показывал. Издевательства в День Рождения, конечно, подпортили мою самооценку основательно, не без этого. Меня не насиловали, но втоптали в грязь, сравняли с землей, унизили и посмеялись. Использовали, как хотели, против моей воли. И он кое-что из этого видел, какие-то картинки должны были сохраниться в его памяти, но вместо этого он двигался на мне, во мне, как сумасшедший, сильными быстрыми или размеренными глубокими толчками выбивая крики. В этот раз я с ним кончила, причем за четыре секса дважды. Он очень хотел этого и добился, потом выглядел польщенным. Сообщил, что я румяная и очень милая, когда на пике. А я все мечтала добыть его документы, но он упорно их не показы-

вал, заранее спрятал.

А еще он рассказывал о себе совсем личное. Что у его дяди и деда рак легких, поэтому он бросил курить в один день, хотя любил это дело. Они проработали по двадцать лет в угольных шахтах, много скопили, но сейчас еще больше спускают на лечение. Скорее всего, причина их недуга в профессии, но он рисковать не хочет, раз есть предрасположенность. Еще я узнала, что его мать печет сумасшедшие шарлотки с таким немыслимым количеством и сочетанием фруктов-меда-корицы, что умереть можно лишь от запаха. И что он любит свою будущую профессию и вообще любит жизнь. Рядом с ним хотелось меняться и мечтать. Вроде бы ничего особенного для парня его возраста, но я с такими никогда не общалась близко, и он просто покориł меня своими планами, амбициями и уверенностью в себе. Вроде бы живем на одной планете, смотрим на мир одинаковыми глазами, но он его видит ярким, с кучей возможностей, а я лишь стены да низкий потолок над головой. Вот почему так?

Засыпая, я представляла его в белом халате с пробирками в руках и тихонько посмеивалась. А он спрашивал: «Что-о, Юль?» – но отключился, не дождавшись ответа.

Быстро у нас все случилось, молниеносно. Вот мы не знаем о существовании друг друга, а вот уже через неделю спим в обнимку, и на двоих у нас столько секретов и воспоминаний – горьких и сладких, от ненависти до восторга, что, спо-

рю, некоторые пары и за всю жизнь не соберут.

Следующим вечером он не приехал, предупредив, что важные дела. Казалось бы, мелочь, но наутро я проснулась подавленной и разбитой, подсознательно всё ждала, что бросит. Возможно... наконец, отвращение взяло верх?

Если он скажет, что я ему понравилась, и он пытался, честно, пытался забыть, как они... но не смог себя пересилить – наверное, я умру на месте.

Ждала от него удара, хотя не сомневалась, что выкрутится, врубит милосердие и сошлется на иную причину. Слишком добрый. Или и правда занят, как знать. День беспокойный выдался, он мне не писал и не звонил, первой я боялась. И вот я прихожу домой, а там склад яблочной техники и воодушевленные родители.

Выбегаю на улицу, сама судорожно его номер набираю – впервые, кстати, оттого волнуюсь особенно сильно. Набираю, а он недоступен. И слезы на глазах. Что делать? Куда бежать? Бред какой-то, быть такого не может.

Возле остановки меня догоняет черная машина размером со среднюю баржу, за рулем мужчина лет за пятьдесят. Седовласый, предстательно одетый. На улице жара, он в белой рубашке, черном пиджаке и галстуке под горло, не задохнулся бы. Да и по выражению лица понятно, что шишка важная, привык командовать и смотреть сверху вниз. И до того, как он открыл свой мерзкий рот, я уже сообразила, кто он и что надо.

– Юлия Сергеевна, садитесь в машину, пожалуйста, поговорить нужно. Обещаю, вы не пожалеете.

Я рванула с места.

Бегу изо всех сил, напрягаю ноги, руки, хватаю ртом воздух. Я бегу, будто стометровку на время, будто на Олимпийских играх, к которым целую жизнь готовилась, несусь в сторону остановки и запрыгиваю в первый попавшийся автобус, а затем, вцепившись в сиденье, еду до конечной, изредка поглядывая из окон – преследователь так и тащится позади, не думает сдаваться. Не готова я сейчас к подобным разговорам, мне нужно время подумать и настроиться. Если совсем честно, то от одной мысли хочется забраться под душ и драить себя мочалками и мылом, а тут целое противостояние намечается! Вон какой упорный, все едет и едет, будто дел других нет.

Мне необходимо связаться с Ванькой и всё-всё рассказать ему. Но его сотовый по-прежнему недоступен, а я не знаю о нем ничего: ни фамилии, ни адреса. Район, где живет, помню, примерный путь себе представляю, но ни улица, ни номер дома в голове не отложились. Глянула мельком и тут же забыла. Как чумная с ним, говорю же, детали мимо летят, в том числе важные. Все равно поехать поискать? Может, ноги сами приведут? Или выждать? Там ведь родители будут его, а я пока понятия не имею, намерен ли он со мной их знакомить.

Сутки не звонит, и пожалуйста – я на пороге нарисова-

лась. Причина веская, но вдруг, на его взгляд, недостаточная для визита?

Как же поступить правильно?

Мне везет, автобус не ставят в отстойник, и, высадив последних пассажиров на конечной остановке, водитель вновь возвращается к маршруту. Видимо, преследователю за рулем баржи надоедает кататься по городу, вскоре он отстает и пропадает из виду.

Наверное, все же дождусь, пока Ваня позвонит первым. Ну пожалуйста, приди смс о том, что он доступен. Гипнотизирую сотовый.

Вечером дома разразился грандиозный скандал, родители давили, прессовали, будто я не дочь им родная, а взятая в плен шпионка вражеского государства. Им нужно было добиться моей подписи, они были замотивированы и способны на все, чтобы заполучить ее. Приводили аргументы, от которых мое сердце кровоточило, как раненое. А уйти, переночевать-переждать-то и негде мне. В итоге я закрылась в туалете и рыдала навзрыд, обняв унитаза. Снаружи открыть дверь нашего туалета нельзя, шпингалет стоит внутри, и чтобы добраться до меня, нужно либо его выломать с «мясом», либо снимать дверь с петель. Папе было лень и первое, и второе, они решили взять измором.

– Юлька, я писать хочу, открывай! – долбилась ко мне разъяренная Люся. А я не открывала, свернулась калачиком

и тихонько выла от ситуации, от условий, в которые меня поставила жизнь. От предательства родных, их нежелания понять. Меня трясло и дважды стошнило.

Один из ублюдков, издевавшихся надо мной, оказался сыном влиятельных родителей, и пока мы с Ванькой катались на машине и кайфовали, в другом доме совсем другие люди переживали свой собственный жутчайший кошмар. Планируя будущее, мы и не подозревали, что в этот момент решаются наши судьбы. Нам в голову не приходило, что против нас разворачивается целая кампания с огромными затратами.

Они спрятали сына и его друзей, а сами подняли целую бурю, подключили связи, адвокатов и отыскивали выход. Чтобы спасти свои задницы, им не хватает самой малости: моих показаний. Свидетельствования, что мы с парнями весело проводили время, баловались и отрывались, пока вдруг не появился из ниоткуда психопат Ваня и не избил их до потери пульса. Внезапно. Я должна поехать в полицию и переписать свое заявление. Исправить, забрать, написать еще одно новое или как это правильно делается? Родители поначалу говорили об этом, как о деле решенном, они изумились, услышав мое категоричное «нет».

Не-е-е-т!

Всего несколько слов в подтверждение легенды уродов, и у нас куча денег. Так много, что для поездки на море можно взять отпуск без содержания. И маме, и папе, и мне.

Но ведь я не могу. Как так? Предать Ваню? Предать человека, который рисковал из-за меня? Которого я успела полюбить всей душой? Ни одни деньги не могут оправдать подобный поступок.

Еще одна страшная ночь в моей жизни. Помните, я выше рассказывала про слои, каждый новый чернее предыдущего? Может, они и одинакового цвета – серые, но, накладываясь друг на друга, делают мое существование с каждым днем невыносимее.

Мне выключили свет, чтобы скорее выкурить из туалета. Родные говорили вслух и громко, не таясь и не стесняясь, чтобы я слышала, какая я неблагодарная тварина. Что я должна им за еду и кров, что другие дети радуются, когда получается облегчить жизнь престарелым больным родителям. Вырастили доченьку, а она нож в спину всадила!

Нож всадила в спину, отказываясь свидетельствовать против своего Вани.

Я молилась, чтобы этот день скорее закончился, чтобы Бог дал мне силы выстоять и мудрости донести до близких свою точку зрения. Родители ошибаются, они просто не представляют, о чем просят. Сейчас ими руководит алчность, но они обязательно поймут и устыдятся. Только бы мне почерпнуть сил для тяжелых разговоров.

– Юль, ну пожурят твоего Ваню, а-я-я-й скажут. Ну, максимум... дадут условный срок за драку, и что? – слышу маму.

– Это тьфу, ерунда, – поддерживает отец.

– На нем это никак не отразится. Будет жить, как прежде. Уедет в свой Красноярск или откуда он? Там никто и знать не знает, регион другой. А через десять лет, попомнишь мое слово, еще и спасибо тебе скажет за важный жизненный урок. А нас эти деньги выручат.

Время шло, а нападки не прекращались. Меня не слушали, меня оскорбляли. Говорили, что если что-то случится с их здоровьем, это будет на моей совести. Что я загоняю их в могилу. Родили доченьку, а она их живьем хоронит!

– Он уедет и не вспомнит о такой нищенке, как ты. Вон на какой машине ездит, ясно же, что родители его влияние имеют. Они твой поступок не оценят, еще и у виска покрутят. Отряхнутся после инцидента и дальше заживут счастливо и сыто, ни разу о тебе не вспомнят. А тебе пристраиваться нужно давно! Третий десяток прет, замуж так и не взяли. Все на шее висишь отцовской.

– И не возьмут! – взревел тот, на чьей шее вишу. И понимаю я вроде, что неправда это, что отдаю им почти всю зарплату ежемесячно, но так обидно и горько, что плачу все сильнее. – И не возьмут! Если продолжишь на белый свет трубить, что тебя насиловали. Кому такая нужна тасканная? Еще не поздно забрать заявление, Василий Васильевич сказал, что успеет замять и никто не узнает. Еще и поможет на первое время, потому что неудобно ему за сына. Сочувствует нам. Хороший человек.

– Вот вообще не понимаю твоего упорства, Юля!

Я сидела в туалете в темноте, и от отчаяния меня накрывало такой жгучей жалостью к себе, что уже не рыдала, а хватала ртом воздух. Колотило меня так, что задохнуться боялась, зубы стучали, чечетку отбивая. Серое. Мне казалось, что все мое существование – никчемное и серое, никому не нужное. Всегда таким было, одно светлое пятно в нем – мой Ванька. Который закутал меня в свою ветровку, которую потом даже надевать побрезговал – выбросил. Откуда знаю? Я ж в ней домой пришла утром после дня рождения, постирала тщательно, вычистила. Вынесла ему, как высохла через день, а он затолкал в урну у подъезда. Потом, правда, сосед ее достал и носит теперь, но я про это Ване не сказала. Ветровку, в которую меня кутал – выбросил, а меня – нет, меня любил. Забрать с собой хотел.

Я ведь знаю, что до его появления пытки не шли к завершению, уроды лишь сильнее раззадоривались. Они перебрашивались новыми идеями, от которых у меня по спине ужас ледяными иглами дорожку выколачивал вдоль позвоночника. Растягивали удовольствие, у них вся ночь была впереди. И одна беззащитная скулящая жертва.

О, у них было много блестящих идей. Я не знала, что люди способны делать такое с другими живыми и чувствующими.

Возможно, если бы они реализовали их все, я бы позавчера не смеялась так сильно, до икоты, над комедией в Ванькиной квартире. Возможно, я бы сейчас вообще жить не хо-

тела...

Я защищаю Ваню не потому, что собираюсь за него замуж и хватаюсь за выгодную партию, я просто не могу его подвести, вне зависимости от его ко мне отношения.

Обессилен, я ненадолго отключаюсь. А когда просыпаюсь, в квартире тихо, все спят. Кости болят, когда поднимаюсь, руки онемели: что могла – отлежала за несколько часов неудобного сна. На цыпочках пробираюсь к спальне и падаю на кровать. На работу ухожу раньше всех, школа еще закрыта, а я уже у порога с ноги на ногу переминаюсь. На первом автобусе приехала, пустом. Конец августа, уроки еще не начались, поэтому около девяти отпрашиваюсь под предлогом посещения врача, и бегу домой. Там ожидаемо только бабушка: Люся в секции, родители на работе. Ба что-то варит на кухне, целую ее в щеку и в спешке делаю себе бутерброд с колбасой, утром не успела позавтракать. На мгновение замираю, ловя себя на мысли: я так сильно боялась встречи с родителями, что убежала из дома голодной.

– Ты что тут делаешь? – удивляется ба. – На работу же все ушли. Случилось что-то?

– Случилось, бабуль, еще как случилось. Ни разу на меня так сильно не кричали, как вчера. Вообще не кричали ведь раньше, повода не давала. А сейчас трясет до сих пор. Страшно мне.

– Самое главное скажи, ты здорова?

– Да. Кажется, здорова. Бабуль, ты прости. Но не могу я.

Не могу так поступить с ним. Папа вопил об упущенной возможности, но это никакая не возможность. Эти деньги нам, конечно, нужны, но они не наши. Не принадлежат нам. Жили как-то раньше, и продолжим своими силами. Если я возьму их, я больше в зеркало на себя смотреть не смогу. Скажешь – дура, идеалистка?

– Юлечка, это только твое решение. Никто не смеет давить. Ты сама должна его принять.

– Я знаю, ба. Но легче от этого не становится. Мне очень нужна поддержка.

– Ты точно уверена, что этот парень, Ваня, не заслуживает обвинения? Он ведь троих зверски избил! Может, ты испугалась и перепутала?

Несколько минут копаюсь на балконе в поисках прочной вещевой сумки, и укладываю туда коробки с подарками-взятками. Куда и кому же их возвращать? В любом случае дома оставлять нельзя, поэтому волоку добро на работу и прячу в шкаф своего кабинета под плакаты с теоремами для девятого класса. У меня впереди полдня, чтобы придумать выход из ситуации. Придумать, кому возвращать взятку, которую брать не намерена ни при каких обстоятельствах.

Не могу я счастливая отдыхать под пальмой, листая пальчиком странички в новом телефоне, не думая о том, что предала парня. Возможно, последнего хорошего парня на этой планете. Предала столь страшным образом. Сможет ли он

после этого еще когда-нибудь поверить женщине? Захочет ли помогать тем, кто попал в беду? Разочаруется? Очень страшно от мысли, что хороший человек из-за меня может озлобиться и стать плохим.

Не нужны мне их деньги и подарки! Руки-ноги имеются, сама заработаю. Будут родным и море, и ремонт. Не переломлюсь и смогу найти другой способ помочь, кроме как оклеветать хорошего человека. Придя к этой мысли, я начинаю чувствовать себя лучше.

Хотя бы примерный план в голове составлен, буду придерживаться его. В этом году мне дали неплохую нагрузку на работе, нахватая репетиторство по подготовке к ЕГЭ. Кстати, если я решусь и уеду с Ваней в большой город (если он еще позовет меня и поможет в первое время, конечно), то передо мной откроются десятки новых возможностей. И зарплата в Крае приятнее, и допзанятия с детьми оцениваются выше. Одна моя подруга берет в час полторы тысячи рублей, в нашем-то городе триста – это потолок, это для учителей со стажем. Ко мне и за двести идти не хотят пока. Всё это будет, стоит только решиться. Как же сильно меня тяготит мой возраст, для реализации задуманного не хватает всего-то пятилетки опыта за плечами. Сижу за столом и страстно мечтаю о своем тридцатилетии.

Чешутся руки поскорее начать действовать, я едва сдерживаюсь, чтобы не разместить свое предложение на hh. Если только Ваня мне поможет...

В дверь стучатся, и когда в кабинет заходит мой новый знакомый за пятьдесят в черном костюме, я практически не удивляюсь и не пугаюсь. Высокий взрослый влиятельный мужчина, и наедине с ним некомфортно, но в моем распоряжении были целые сутки, чтобы подготовиться к разговору, настроиться. Подобрать слова. Эффекта внезапности и неожиданности у него в запасе больше нет. А уж после ночи в темном туалете мне никакое моральное давление не страшно.

Я практически ждала этого человека. Нахожу в себе силы улыбнуться и жестом пригласить зайти, хотя мое гостеприимство никому не нужно, он и так уже посреди кабинета. Дверь за собой не забыл закрыть плотно, машинально я бросаю взгляд на ножницы и степлер в органайзере на столе. Вряд ли нападет, но хочется придумать, чем в случае угрозы обороняться.

Он присаживается на парту напротив моего стола.

– Юлия Сергеевна, добрый день. Зачем вы в прошлый раз сбежали? Испугались, что ли?

– Извините, но после недавних событий незнакомцы меня пугают. А я по-прежнему не знаю, кто вы.

– Меня зовут Василий Васильевич, и я приехал, чтобы помочь вам.

– Помочь? О, мне не нужна ничья помощь, поверьте, – я практически радостно соскакиваю со стула и быстрым шагом подхожу к шкафу. Сердце колотится, но игнорирую вол-

нение. Достаяю свою вещевую сумку в клеточку и бухаю ее перед гостем на парту: – Вот, я полагаю, это ваше. Спасибо, мы не нуждаемся. И вообще не любим фирму «Эпл».

Он бросает быстрый взгляд на пакет, и, не делая попыток заглянуть в него, улыбается. Значит, я права и подарки от него. От отвращения передергивает.

– Берите, берите. Я надеюсь, что мой ответ очевиден. Мне не о чем с вами разговаривать, заявление я ни менять, ни забирать не планирую. Мне даже не интересно, кто из троих ублюдков ваш сын. Мне очень жаль вам говорить такое, но вы вырастили и воспитали полного говнюка.

На мгновение в его глазах вспыхивает гнев, но Василий его быстро гасит и тяжело вздыхает. Потирает лицо, затем великодушно разрешает мне присесть на стул в моем собственном кабинете. Я краснею от негодования, но исполняю.

Он говорит тихо, приходится податься вперед, чтобы слышать.

– Юля, девочка моя, мне очень-очень жаль тебя. Сам воспитываю чудесную дочку, кстати, тоже Юлю, и прекрасно понимаю, каково тебе и твоим родителям. Более того, я думал – лично прибью поганца, но что с ним сделаешь, молодой еще, ветер в голове. А родную кровь не бросишь. Ведомый парень. Он не плохой, поверь человеку, который его вырастил. Хороший, но поддающийся влиянию. Сам он бы никогда не додумался до подобного, но сказали «пошли» – вот он и пошел.

– Который из них? – перебиваю довольно грубо.

– Которого вырубил ударом ноги, у него сотрясение и трещина в черепе.

Получается – тот, кто душил меня.

– Простите, но нисколько не жалко.

– Он заслужил... урок. Частично. Но... с него этого хватит, он уже трижды обос*ался, от страха, как в СИЗО вчера увезли, поверьте. На всю жизнь запомнит это время, не меньше вас. Связался с бандитом, вот и результат. Тот, что старший у них, долго на воле не продержится, но, Юлечка, уясни себе вот что. Этот конфликт мы замнем.

Чувствую, что бледнею, кровь отливает от лица, его даже покалывает. Смотрю собеседнику в глаза, понимая, что он подавляет меня своей крупной фигурой, тоном, взглядом. Своей энергетикой.

– С вами, Юленька, или без вас – без разницы, – говорит спокойным, деловым тоном, от которого я леденею. – Если без вас, то вы пойдете по статье 306 УК РФ «Заведомо ложный донос», потеряете профессию, попадете на деньги, а может и свободы лишитесь. Все же клевета серьезная, не в куклы играем. Но вы ведь умная девочка, примете правильное решение. Эти подарки оставьте себе в качестве аванса и моральной компенсации. Повторяю, что не одобряю поступка сына, и сам лично вправлял и еще буду вправлять ему мозги на эту тему. Вокруг столько готовых абсолютно на все женщин, стоит пальцами шелкнуть... Дурень он, пока не осо-

знал своих возможностей. А вы проявите милосердие, – я вздрагиваю от этого слова, – дайте парням шанс начать жить заново, не ставьте на них кресты. И я даю вам слово, никто из них больше черту не переступит.

– А что будет с Ваней? Мм, Иваном...

– Иваном Роминским? – он закидывает ногу на ногу и говорит отстраненно, как будто нас обоих дело парня не касается. – Он нанес серьезные травмы, не знаю, что там решит прокурор. Чуть не поубивал ребят. Посидит, подумает. Научится силы рассчитывать. Про него можно забыть лет на двенадцать.

Я соскакиваю с места и пораженно взмахиваю руками.

– Поубивал?! Да они корчились и силились подняться с четверенек, когда мы уходили, а третий вообще сбежал! Живее всех живых! Ваня был один против троих! Без оружия!

– Со спортсменов спроса больше, – равнодушно пожимает плечами. – Твои родители объясняли, что нужно сделать? Едем прямо сейчас. А если скажешь, что в последнее время у вас с Роминским состоялся сексуальный контакт, я удвою вознаграждение. Сделаем повторную экспертизу, найдем его ДНК, и все сойдется идеально.

– Вы хотите повесить изнасилование на Ваню? – голос будто не мой, тонкий, писклявый.

– Контакт ведь был? Даже не сомневаюсь почему-то в этом.

– Уйдите, пожалуйста, и заберите свой мешок.

– Юля, не будь идиоткой, – он тоже поднимается. – Его в любом случае закроют надолго, с твоими показаниями или без, просто в худшем случае он утянет тебя следом. Я виделся с твоим отцом, он все понял, и мы договорились. По молодости юнцы и не такое творят, все через это проходят. Потом вырастают и становятся идеальными семьянинами. Ты можешь выйти из ситуации в выигрыше, а можешь настроить всех против себя.

– Спасибо за предложение, а теперь убирайтесь.

– Мы все равно выпутаемся, мне просто тебя жаль. Девка хорошая, на первый взгляд – адекватная. Помочь решил. А ты дура-дурой оказалась. Тьфу. Только время потерял. Ха-на тебе, бл*ть, если не передумаешь. И дружку-защитнику твоему хана.

Он встает и направляется к двери. А я от ужаса могу лишь беззвучно шлепать губами, как тупая рыбина. Мне по-прежнему сложно воспринимать его угрозы, я уверена, что такого просто не может быть. Это сон. Какой-то невнятный кошмар. Я ведь дала показания, с меня сняли побои. И с Вани тоже. Полицейский заверил, что «твари попали». А теперь оказывается, что попали мы с Ваней?

– Василий Васильевич, – окликаю я. Он оборачивается с улыбкой, дескать, верное решение. – Хлам-то заберите.

Хлам он так и не забирает. Я закрываюсь на ключ и, не соображая, что делаю, будто в состоянии аффекта достаю пер-

вый попавшийся планшет из белой коробочки и бью по нему степлером. Экран не поддается, крепкий, зараза! Всегда бы так было, а то уронишь сотовый – и все, трещины, хоть выбрасывай. Ремонт дороже нового. Но я не сдаюсь, а в тот момент, когда первые кусочки стекла начинают, наконец, отлетать, в тишине кабинета пронзительно звонит мобильный. А я словно прихожу в себя, будто смотрю на себя со стороны, как сижу на полу, закатав рукава, и мщу несчастной технике за несправедливость этого мира.

Номер незнакомый. И первый порыв: сбросить звонок, потому что наверняка это очередной папаша с просьбами выгородить их сына-отморозка, но в последний момент думаю – вдруг Ваня? И жадно хватаю трубку.

Предчувствия не обманывают, на той стороне провода женщина, которая представляется Ваниной мамой. Она в слезах и в растерянности, вчера вечером его схватили по пути из гаража домой и увезли в полицейский участок, откуда он смог позвонить только сегодня утром. Его избили, выколючивая признания в ложном обвинении, и лишь на рассвете разрешили связаться с родными.

Я медленно опускаюсь на парту, где до этого сидел Василий, а затем подсакиваю как ужаленная, словно даже отдых на месте, которое ранее предпочло это чудовище, может меня скомпрометировать перед Ваниной мамой. Она спрашивает, что на самом деле случилось той ночью. Что вообще происходит? Ванька, оказывается, ничего ей толком не рас-

сказал. Вообще.

– Он когда пришел домой в синяках под утро, отмахнулся, что подрался с хулиганами. Он вообще замкнутый, все в себе держит, лишнее слово тяжело вытянуть. Если случайно о себе что-то проговорится, мы с отцом еще неделю обсуждаем и сами додумываем. Обычно у него всегда все нормально. И тут не исключение. Ну, подрался и подрался, бывает. Заверил, что вопрос уладили, мы с отцом поспрашивали еще да и успокоились. А сегодня не пришел ночевать, не предупредив. А такого ни разу не было, чтобы Ваня – и забыл предупредить! Обычно смс-ку скинет, чтобы я не волновалась, – она всхлипывает. – И на звонки не отвечает. Утром с неизвестного номера позвонил. . . . голос не такой, – она плачет, – как будто надломленный. И говорит, что те, с кем подрался, заявления на него написали. И дал твой номер. Ты же та самая Юля? Я не ошиблась?

Она уже спрашивала, та ли я Юля, причем дважды. Этот третий вопрос об одном и том же пугает. Женщина в шоке. Я вкратце пересказываю ей, что случилось на самом деле, обещаю, что при необходимости повторю рассказ с любыми подробностями. Она, разумеется, очень этого хочет. Я делаю паузу, а затем выдаю на одном дыхании о Василии Васильевиче и его «щедром» предложении озолотить нашу семью. Ванины родители должны до конца понимать, что происходит.

– В этом плане вы не волнуйтесь, я деньги не взяла. И с

родителями поговорю сегодня серьезно, чтобы не вздумали. Я не отступлю. Я... не поддамся.

– О Господи! – рыдает Ванина мама. – Пожалуйста, девочка моя хорошая, только не соглашайся. Они же его в тюрьму хотят посадить. Жизнь ему сломать! Сами отмазаться за его счет! Боже, что же будет. Мы тебе заплатим больше, квартиру продадим, только не меняй заявление!

– Перестаньте, не надо ничего платить. Мне Ваня жизнь спас, я буду за него бороться.

Она снова плачет. Очень тяжелый разговор. В итоге мы расстаемся на том, что можем в любой момент звонить друг другу по любым новостям. Как она поговорит с мужем, еще раз наберет меня.

Решив, что планшеты еще пригодятся, я аккуратно убираю их по коробкам и прячу в шкаф на прежнее место. Возможно, Ване понадобится адвокат и их можно будет продать, если Василий не потребует обратно. А потребует – да и черт с ними.

Меня неслабо трясет, когда иду домой. Ванька в СИЗО – это в голове не укладывается. Забрали – и все, без всяких там предупреждений. Так разве можно? Так разве делается? Если бы у меня были хоть какие-то связи в полиции! А у меня они есть! У одной моей бывшей ученицы папа работает в органах, однажды он приходил на собрание в погонах. Кое-как нахожу ее страницу в соцсетях и прошу выслать номер отца. Как прочитает – ответит.

Я что-то писала про пик безысходности в начале своего рассказа. Отныне каждый день превращается в американские горки: с родителями Вани мы то летим вверх к новой надежде, то падаем вниз, в ужасе закрывая глаза. Когда нам озвучили срок тюремного заключения, который требует прокурор, мы долго не могли осознать его. Все переглядывались, гуглили, обзванивали знакомых с хоть каким-то юридическим образованием, надеясь на ошибку. Но ошибки не было, нам объявили войну без возможности избежать кровавых сражений.

Теперь я знаю, что подобные разбирательства могут длиться очень долго. И каждый новый день идет нам в минус, потому что Ваня проводит его за решеткой – что по-прежнему в голове не укладывается(!), а мы паникуем на свободе.

Его мать, с которой я познакомилась лично на следующий день после телефонного разговора, начинает походить на живой труп, она даже двигается медленно, ходит прихрамывая. Нога у нее не болит, я спросила. Просто плечи не расправляются больше, как и позвоночник – согнулся буквой зед и все тут. Она ходит, как скрюченный вопрос. Как старая бабка – сорокапятилетняя ранее цветущая женщина.

Оказалось, что Ване всего двадцать. Я набралась смелости и спросила у его родителей. Так и знала, молодой совсем. Не называл же свой возраст, боялся, что я его отошью, узнав, или не восприму всерьез.

Всего двадцать лет, пацан, как я и думала. А выглядит взрослее, потому что спортом всю юность активно занимался, даже разряды имеются. И плаванием, и карате, и баскетболом, и боксом. Чем-то – серьезнее, чем-то – так, время от времени. Учится хорошо, сессию закрывает не без троек, но вовремя и бесплатно.

Еще выясняется, что его семья не особо-то и богатая – по крайней мере, чтобы найти полмиллиона на адвоката, им пришлось выставить на продажу квартиру-студию, которую купили Ваньке на будущее. Ни одна из их двух машин не стоила требующихся денег.

Иногда его мать меня ненавидела. Люто, остро. Она смотрела на меня, как коршун на добычу, мечтая раздавить, растоптать, забить до смерти, представляя себе мир, в котором я бы вообще не родилась. Или бы родилась немой, не способной кричать. Мир, в котором бы меня изнасиловали, но Ваня бы не услышал. Я ее не виню. Так получилось, что мы с ней оказались единственными людьми, которые в этой ситуации понимают друг друга. Мы говорили по телефону часами, а при встрече... иногда рыдали, сидя на одном диване, выли на пару, как раненые волчицы.

Он-то ей родной сын, ее можно понять. Я – просто девушка, которая знает его неделю, которая любит его до беспамьтства, но последнее, в общем-то, не выделяет меня. Такого, как он, полюбить легко.

Отец его плакал при мне лишь однажды, в основном ходил собранный и решительно настроенный. Но тот день я вряд ли когда-то забуду. Взрослый состоявшийся мужчина, старший инженер на предприятии, рыдающий от отчаяния – зрелище, которое навсегда врежется в память, которое меняет жизнь. Про этот день я еще скажу, но позже.

Расследование развернулось не на шутку масштабным. Самое несправедливое, что эти уроды в СИЗО чувствовали себя, как в отпуске – по крайней мере, в соцсетях круглосуточно онлайн, а Ваньку держали в тюрьме в кошмарных условиях. Меня замотали по допросам, и я, запуганная разговором с Василием, боясь подставить Ваню еще сильнее, по глупости отказалась от повторной экспертизы, за что на меня очень ругался адвокат. Потом согласилась, конечно, но даже единственный отказ шел сильно в минус.

Мне задавали одни и те же вопросы, получая на них одни и те же ответы. Подходили к ситуации то с одной, то с другой стороны, звали еще людей для компании. Их набивалась целая толпа в кабинете, и все они слушали подробности нападения на меня. А потом еще вставляли обличающие реплики, стараясь подловить на лжи: Юлия Сергеевна, вы же говорили, что первым вас схватил за грудь Николай. А сейчас говорите, что Евгений – Николай схватил, когда уже платье порвали. А Евгений, когда еще нет – то есть Евгений хватал не за голую грудь? – За голую. Его рука пролезла под

платье. – Вы пошли гулять ночью по улицам без белья? – Я не гуляла, я возвращалась домой с вечеринки. – Без белья? Вы его где-то оставили? Вы часто так делаете? – Я была в белье, просто он и под него протиснулся рукой. – Опишите, как выглядело ваше белье, не могу представить.

Я понимаю, что издеваются. Им надоели эти два тесно взаимосвязанных дела, всем не терпелось поскорее поставить в них точку. Но мы с адвокатом не сдавались, и через несколько месяцев это стало бесить наших противников.

Домой я приходила как можно позднее, чтобы поменьше общаться с родными, валилась на кровать, надевала наушники и делала вид, что сплю. А сама вспоминала, как мы катались с *ним* в машине, слушая дурацкие песни. Он сказал, что если я буду себя хорошо вести, то покажет мне, какую музыку действительно любит. Я постоянно пыталась его подловить, поймать на машинальном подпевании какой-то песне по радио, движению головой в такт – да кого там! Если он решит что-то себе, не переубедить! Хитрый тип.

Когда он ходил на заправку, я шарила в бардачке в поиске хоть каких-то дисков. Но негодяй подошел к вопросу творчески: даже когда я ночевала у него дома, он спрятал всю музыку. И на компе переделал путь к папке с аудиозаписями. Я изнывала от любопытства, мне хотелось знать о нем все. Я была очень жадной до любой информации, касающейся это-

го парня.

Пощупать, проверить на вкус, на запах – любые детали. Он выдавал их постепенно, порционно, и все, что я узнавала – мне нравилось.

– Юль, вот поедешь со мной на машине в Красноярск, будем всю дорогу слушать мои песни. Шесть часов пути – слово даю, ни один трек не повторится. Я уж постараюсь. А пока – мучайся, – разводит руками, ухмыляясь. Я швыряю в него подушкой, и налетаю со второй, но промахиваюсь! Только я могу целиться в парня под два метра и промазать! Он хохочет, убегает на кухню. Я следом. Он не защищается, не дает сдачи, прикрывает подушкой область ниже пояса, хотя бью по голове, и от этого еще смешнее. Терпит. Но я бью не сильно – так, играючи... А потом он хватает меня за талию, закидывает себе на плечо и несет в свою комнату, да по попе при этом шлепает, приспустив штаны и белье. Между прочим, ощутимо больно!

Этого я его маме, разумеется, не рассказывала, но он обо-жал кусать меня за попу и ставить засосики на груди. Наверное, дело в молодости, дорвался до женского тела и наслаждался. Он ведь так и не ответил, сколько у него было женщин... Его мама сказала, что он встречался с девочкой в школе, вроде бы все очень серьезно было, с тяжелым разрывом. И в институте на первом курсе дружил с одной несколько месяцев, потом они расстались. Год был один – по край-

ней мере, не попадалась подружка, о которой стоило бы рассказать маме. Наступило лето. И случилась с ним... я.

Ситуация складывалась настолько ужасающая и несправедливая, что иногда казалось, что происходящее – сон. Я сплю, но скоро проснусь и вернусь в реальный мир, где подобное просто не может случиться. Где хороших людей благодарят и награждают, а плохим вселенная отвешивает тумаки-уроки, раз за разом намекая, что пора меняться. А если подопечный не понимает, то давит его, как таракана. Иногда я молилась перед сном, чтобы вернулось время, и Ванька пошел домой другой дорогой, не услышал мой короткий вскрик и не пролез в дыру в заборе. Не нашел четверых, притаившихся на самой темной опушке между густыми деревьями.

Спустя три месяца ада мне казалось, что я знаю Ваню с рождения. Его мама рассказала мне практически все о нем: даже как беременная ходила и рожала, когда он заговорил, когда первый двояк в школе схватил. На нее иногда находило. И хоть я жадно ловила каждое слово, такие разговоры не любила. Она будто уже потеряла надежду, чуть ли не похоронила его. С этим я была не согласна.

Ваня звонил им несколько раз, это не легально, но у некоторых людей, ожидающих суда, возможностей больше, и ему иной раз тоже удавалось попасть в волну. Поначалу он был просто в шоке, ждал, что обвинение вот-вот одумается.

Спрашивал, неужели нет возможности забрать его домой хотя бы на время разбирательств. Но на данном этапе наш адвокат ничего не мог сделать. Ваня был в ужасе от условий, в которые попал, от обвинений, которые ему предъявили. Судя по ним, он не просто один без оружия подрался с тремя ублюдками, спасая девушку. Ситуацию извратили и вывернули таким образом, будто трое парней защищали беспомощную девушку от полоумного, ни с того ни с сего кинувшегося на дружную компанию с битой и кастетом, проломив хорошим ребятам черепа. В то время, когда их искала полиция по моему заявлению, они якобы лежали в больнице с тяжелыми травмами и боролись за жизнь...

Если бы я подтвердила, что всё так и было, Ване тут же пришел бы пи**ец.

Сынку Василия Васильевича восемнадцать исполнилось за неделю до моего дня рождения. Второй – мой ровесник, заводиле – двадцать шесть. Отмазывали всех троих одинаково усердно, потому что слишком крепко они были завязаны в ситуации.

Как я поняла, те двое, что постарше, специально таскали за собой юного богатенького не слишком умного друга, чтобы за его счет отмазываться. Выяснилось, что я не первая девчонка, над которой они «пошутили» подобным образом. Адвокат осторожно сунул мне имена с адресами. Каждая из них ходила с Айфоном и имела папку в соцсетях с фоточками с отдыха за границей. Ни одна не согласилась поговорить

на щекотливую тему. И своим страхом, нерешительностью, своей продажностью каждая из них невольно участвовала в обвинительной кампании против моего Ванечки.

Когда мы с Ванькой катались в первые разы по городу, я украдкой рассматривала его руки, плечи, торс. К счастью, погода шептала раздеваться и впитывать витамин D открытой кожей, и Ваня практически всегда был одет в белую или синюю свободную футболку, без толстовок и ветровок. Рельефные руки, крепкие бедра, толще моих в полтора раза, хотя я девушка не маленькая, и ноги у меня тоже длинные и не худые. А когда мы стояли рядом на Горе Любви, еще до первого поцелуя, и смотрели вниз на постепенно зажигающийся фонарями город, он обнимал меня со спины. Склонился и, думая, что я не замечаю, дышал мне в шею, не решаясь поцеловать, я смотрела вдаль, кусала губы и была абсолютно счастлива.

Поворачиваюсь к нему и смотрю снизу вверх, он обнимает, спрашивая, не замерзла ли? Нет, конечно, плюс двадцать пять по Цельсию, но говорю, что немного. И он обнимает крепче, растирает. Руки у него горячие, приятно.

– Никогда не думал, что буду тусоваться с училкой.

– А я – что со студентом. Обычно у меня ко всем вам материнский инстинкт, ж-а-а-лко. Вечно голодные, невыспавшиеся, нервные. С кучей долгов!

Он смеется, откинув голову. Кажется, угадала.

– Жалостливая ты моя. Давай будем всем говорить, что я тебя подвез в дождик на машине, так и познакомились. Ты бежала на остановку под проливным, одежда была мокрая, хоть выжимай.

– Как ни крути, ты в любой версии герой.

– Еще какой герой! Потом сиденье после тебя две недели сушил, накапало столько. Юлечка, – он наклонился и зашептал мне на ухо, – мы забудем об этом навсегда, заменив другой легендой. Я хочу забыть, – я громко сглатываю, а он, взглянув мне в глаза, продолжает: – Не из-за того, что они сделали. Из-за того, что мне хочется их убить. Чем больше я провожу времени с тобой, тем больше ты мне нравишься. И тем сильнее я злюсь. Я никогда ни на кого так не злился.

Он проговорил это спокойно, но с таким выражением лица, что в данный момент ради него я готова была сделать все, что угодно.

– Я люблю тебя, – вырывается против моей воли. Но быстро добавляю: – Как друга. Знаешь, иногда годами с людьми общаешься, а не испытываешь к ним чувств. А тебя сразу... как друга. Понимаешь?

– Начало было многообещающим, потом ты съехала не в ту сторону, – он засмеялся. – Пошли в машину, пока ты не ляпнула еще какой-нибудь бред.

Для него, возможно, и бред, для меня – несколько. С ним мне с самого начала было комфортно. И даже поехать ночевать вдруг к нему домой, пока родители на даче – не стыд-

но. Как будто само собой, что он понимает ситуацию и знает, что для меня – особенный. Объяснять не нужно, что я не шлюха, что обычно себе такое не позволяю, да и не хочется. Однажды я год с парнем встречалась, и мы ни разу не ночевали вместе. Занимались сексом – да, но спать я уезжала к себе. А только представьте, как бы жалко из уст женщины звучали подобные объяснения: да, я у тебя дома, готовая с тобой на все после нескольких дней знакомства, но вообще я не такая, ага, жду трамвая.

Но я хотела поехать к нему и поехала. И нам вместе было чертовски весело и хорошо. Трахаться хорошо: ярко, громко, сильно, со стонами, хлопками и криками. После – вместе готовить и есть, бесконечно обнимаясь и касаясь друг друга. Смеяться над фильмом, даже немного ссориться в шутку по пустякам. Естественно. Он не хотел отпускать меня утром на работу, хотел вместе позавтракать и вновь заняться любовью. Он потрясающий. Для меня самый лучший мужчина.

Рассказать про еще один пик безысходности? Или мы с вами уже давно на американских горках катаемся? Вот бы пристрелить того человека, кто билеты на них выдает в реальной жизни... Ладно, летим вниз на всей скорости. Где-то через пару недель, как Ваньку забрали, я возвращалась домой в наипаршивейшем настроении. И именно этот вечер выбрал Василий Васильевич для повторного визита.

Сидит, тварь, с моим отцом за столом, беседуют. Мама в

выходном платье суетится на кухне. Ага, ага, всегда готовит в таком виде.

Я думала, мы эту тему закрыли раз и навсегда после нескольких скандалов и бойкота, объявленного мне семьей, а нет – оказывается, самое интересное впереди.

– Что он здесь делает? – спрашиваю, скрестив руки на груди.

– Ты как с гостями разговариваешь?! – ахает мать, отец уже подвыпил – зацепился взгляд за начатую бутылку дорого коньяка на столе – и как жახнет кулаком по столу.

Стыдно. Даже перед Василием стыдно, понимаю ведь, почему он вообще о своих грязных предложениях начал заикаться. Приехал, огляделся, пообщался с моими родителями, понял, что ради нескольких сотен тысяч они будут во-круг него на задних лапах плясать. Он сам их не уважает, презирает, ему даже неприятно сидеть с ними за одним столом – по выражению лица заметно. Всем заметно, кроме родителей. Василию противна наша кухня, наш стол, наш старый ремонт. Вроде бы когда сам живешь – не замечаешь, а как гости приходят, сразу будто их глазами на свое жилище смотришь – тут бы подкрасить, тут переклеить, тут вообще помыть хорошенько.

Нормальная у нас кухня, обычная. Чистая, ни один шкафчик не сломан. Но этот гад губы поджимает, нос воротит, и оттого я начинаю еще сильнее его ненавидеть.

– Василий Васильевич – наш дорогой уважаемый гость,

Юля, поздоровайся вежливо.

– Я к себе.

– Юля! – папа вскакивает из-за стола. – Вот же упертая девчонка! Василий Васильевич, вы извините ее, молодая еще, не понимает, что к чему. Что вы помочь нам хотите, с душою открытой пришли.

– Что-о-о? – резко оборачиваюсь я. – Что ты сказал?! – в момент срываюсь на крик. – Ты извиняешься перед ним?! Перед этим ужасным человеком?! – я не могу сдержать слезы, понимаю, что начинается истерика, но остановиться не могу. Два часа назад мне позвонил Ванин папа и сообщил, что Ваня в больнице. Не знаю, что там с ним делали, до чего довели... но он вскрыл себе вены. Спасли, хоть и потеря крови большая. Я впервые в жизни, хоть и по телефону, но слышала, как рыдает взрослый, очень уважаемый мною мужчина. У меня шел урок, я вернулась в класс и довела его до конца. Отпустила детей, после чего поехала домой. Как добралась – не помню. Почему направилась именно домой, где в последнее время мне неуютно? Да что там! Хуже всего! Не знаю, ноги сами привели, по привычке. Пойти-то некуда больше. Не знаю, чего больше боюсь: Ваниной мамы глаза увидеть или свое отражение в зеркале? И вот сейчас истерика и рыдания вырываются наружу каким-то гортанным голосом, неродным мне. Я кричу со всей злостью и ненавистью, которые только способно сотворить мое сердце. О да, эти чувства тоже идут оттуда, из груди. Они рождаются бо-

люю за любимого человека. – Не смей! – кричу я. – Никогда не делай этого! Он считает, что может купить все, что угодно, это не так, – и я показываю им всем средний палец.

– Юля, прекрати, – перебивает меня задыхающийся от гнева отец. – Этому парню уже не поможешь, он психопат, в той ситуации можно было договориться, как-то разойтись по-хорошему, он пробовал? Нет! Сразу кинулся с кулаками. Нужно было вызвать полицию, в конце концов! У них есть способы скрутить человека, не нанося ему физического вреда. Этот парень чуть калеками не сделал сына Василия Васильевича и других ребят, а у них вся жизнь впереди. Они тоже чьи-то любимые дети.

– Папа, один из этих ребят вырвал мне клочок волос, таская по земле и заставляя смотреть снизу вверх, пока сын уважаемого Василия Васильевича с другом кончали мне на лицо, хохоча и крича, чтобы рот открыла пошире, – выпаливаю на одном дыхании, после чего наступает тишина. Василию это слышать неприятно, но сама ситуация, кажется, веселит, и уголки его губ дергаются в улыбке. Еще бы! Дочь унизили, поиздевались, а отец не знает, с какой стороны зад поцеловать, чтобы получить за это денежное вознаграждение. – Знаешь, как сильно от спермы глаза щиплет? А я знаю теперь.

– Уверен, все было не так, – слегка растерянно бормочет отец, оглядываясь на маму и Василия в поиске поддержки.

– Так, – повторяю я уверенно, красная, как помидор. Ще-

ки пылают, горят. Ст-ы-ы-дно. Мать смотрит круглыми глазами. Я рассказывала это им, но в более мягкой форме, жалела. Да они и не хотели знать подробности, им было неприятно их слышать.

– Но... ведь изнасилования не было, – говорит отец нерешительно. И я пораженно прикрываю глаза. Ваня, который вообще меня не знал, бился за меня. А этот – продает, ища оправдания насильникам, потому что у них больше денег.

– Все верно, Сереж, – бархатисто произносит Василий, не говорит, а напевает, – проникновения не было. Ну перегнули палку пацаны, ну бывает, молодость, гормоны бушуют. Выпили лишнего. Хотели пошутить и заигрались. Скорее всего, и не сообразили, что девушке это не в радость. Сейчас такие девицы, что ого-го! Любому мужику фору дадут!

– Да-да, скорее всего, так и было. Общество наше современное виновато, и правительство. Развели беспредел, разгул и бл*дство! Молодежь страх теряет, не понимая что хорошо, что плохо. И получилось, что не хотели, а обидели тебя, Юля. Ср*ное правительство, все оттуда идет, сверху. Не зря в народе говорят: рыба с головы гниет. Так ведь, Василий Васильевич?

– Юль, ты еще раз все обдумай, вспомни, покрути в голове, – говорит мне этот Василий, – может, переосмыслишь какие-то моменты, события. Большая вероятность того, что ты не так поняла. Завтра приходи в участок; время упущено, но обещаю, попробуем поправить ситуацию. А чтобы быстрее

забыть этот...неприятный для нас инцидент, мы вас в тур отправим! Во Вьетнам. Там очень здорово, мы с женой были зимой. На слонах покатаетесь, на массажи походите, плохое настроение как рукой снимет. Я вам несколько спа посоветую, не узнаете себя после посещения. Юлечка, ты не обязана ломать свою жизнь из-за пацана, который не умеет собой владеть. Он хотел подраться – он подрался. Не было бы моего сына – нашелся бы другой. Повезло еще, что все живы остались. Такого вообще нужно изолировать от общества.

Я слабая и не очень умная, у меня не хватает сил и мозгов, чтобы дерзко ответить и уложить оппонента метким словом или цепкой фразой на лопатки. Я выложила им как на духу самое страшное и постыдное, что со мной происходило, унизилась, а они не придали этому значения. Я способна лишь покачать головой и убежать к себе в комнату, запнувшись в коридоре об собранную ковровую дорожку. Еще и лбом припечаталась, аж искры из глаз полетели.

Противно, папа ему в рот заглядывает, дорогим гостем зовет, а как все закончится, Василий даже не поздоровается с ним, мимо пройдет на улице, отвернувшись. Еще и презирать всю жизнь будет, не сомневаюсь. Сам он за своего сыночка на части готов порваться, лишь бы защитить, вытащить, да еще и чистеньким. Не просто же так они за мной бегают и сумму взятки при каждой встрече повышают. Им мало просто отмазать парня. Им нужны мои показания, чтобы отмыть его окончательно. Натереть пчелиным воском и

сдуть пылинки. Выставить героя. Папаша – юрист, возможно, сынку пророчат завидное будущее – скажем, место судьи. А тут хоть и маленькое, но мерзопакостное пятнышко в личном деле.

Но как же, как же Ваньке помочь?! Бедный мой, что с ним там сделали, что он пошел на этот отчаянный шаг? Слышу его беззвучный крик о помощи, а сделать ничего не могу. Он ведь долго держался. Сильный такой, большой, крепкий мужчина. Неужели даже его волю сломили? Все выслушаю, любые раны залижу, только бы вытащить его оттуда. Спасти, домой забрать. Он утонет в моей любви и любви своей мамы. Если моя ему еще понадобится после случившегося, конечно... может, он уже зарекся даже смотреть в мою сторону.

Его мама мне не звонит несколько дней, и мои звонки сбрасывает. Понимаю, что винит в случившемся. Горько на душе. Но мне-то нужно выяснить, как Ванька, какие у него раны, сколько швов наложили. Мне нужна каждая мелочь, я все должна знать про него. Поэтому дважды в день упорно набираю ее номер, задержав дыхание, и жду.

А когда она звонит первой, я сразу понимаю, что есть хорошие новости. Будь плохие – она бы не захотела больше ни видеть, ни слышать обо мне.

А тут сама звонит!

– Он в порядке, спасли, состояние стабильное. Лежит в палате, отдыхает. Там, уверена, условия хуже, чем в обычной

больнице, но лучше, чем в тюрьме...

Зима начинается в нашей местности как обычно – в конце октября. Пробрасывает ранним снежком, ветер сильный и порывистый, без шарфа и перчаток нестерпимо на улице даже перебежками. Пальцы и тыльная сторона ладоней вмиг краснеют, потом шелушатся. Может, отморозила, а может, это нервное. Я работаю, занимаюсь репетиторством – нахватала часов за смешные деньги. Делаю все, чтобы убить свободное время, которого начала бояться из-за обитающих в нем тяжелых, неподъемных мыслей, от которых голова раскалывается. Друзья меня потеряли, да и нет их у меня больше. Самую близкую подругу, с которой мы поссорились в День рождения, а потом помирились – купили. Оказывается, по ее словам, я вообще девка гулящая. Люблю и выпить, и в баре с мужиком познакомиться, потом поехать к нему, обслужить. Неправда это, ни единого раза такого не было. А ведь я на Оксанку надеялась, предупредила, что ее, возможно, вызовут для допроса, и что для меня сейчас каждая помощь важна. Каждое слово в защиту!

С Оксаной мы помирились в первую же неделю после ссоры, когда я ей рассказала, что со мной случилось и каким образом Ваня меня спас. Ох, она и рыдала, извинялась, корила себя, что если бы не наша глупая ссора, ничего бы не произошло. Я ее жалела, успокаивала, убеждала, что никто не виноват, просто так случилось. Мы дружим с первого класса.

А потом она вдруг заговорила по-другому.

Почерк тот же. У Оксанки новый айфон, при встрече она опускает глаза, переходит на другую сторону улицы. Стыдно ей даже смотреть на меня, но ее терзания мало что изменяют, потому что худшее, что могла, она уже сделала.

Иногда мне сигналият машины и, проезжая мимо, незнакомые парни кричат обидные слова в спину. Если вдруг иду рядом мимо лужи, стараются обрызгать. Не постоянно, а так, время от времени, чтобы не забывала свое место. Свое новое место. Стараюсь держаться, конечно, я ж в школе работаю, на людях. Должна представительно выглядеть, но иногда так и хочется закутаться в спортивный костюм и сидеть в уголке, не высовываться. Не расчесываться, не краситься, не наряжаться.

Адвокат говорит, что поможет лишь полный игнор. Травля закончится в тот момент, когда будет поставлена точка в Ванином деле. Да и люди меня знают многие годы, я сама училась в той школе, в которую пришла работать после университета. Не могут они за полгода кардинально поменять мнение обо мне!

Не может такого быть.

– Юля, ты потом пожалеешь, что думаешь не мозгами, а вагиной. Парень этот, что тебя якобы спас, оттрахал потом, что ли? С трудом верится, чтобы просто так ты за него горой стояла. Че ты там себе навдумывала насчет него? Он нена-

видит тебя сильнее всего на свете, и никогда не простит, что из-за тебя попал в эту *опу. А как выйдет, и смотреть в твою сторону не захочет. Что ты бьешься-то за него? – говорит мне завуч в приватной беседе, когда случайно столкнулись на рынке и пошли вместе на остановку. Я ошестиниваюсь, но молчу, работа мне нужна, хлеб в магазине просто так еще давать не начали.

– Дело не в этом.

– Ты не знаешь, с кем связываешься. Я ничего не смогу сделать, и никак тебе не помогу. Если будешь стоять на своем, то получишь огромное количество проблем. Уж поверь мне, лучше не рискуй. Парень твой молодой совсем, выйдет – еще тридцати не будет, родители помогут на ноги встать, найдет свое место в жизни. А ты окажешься никому не нужной. С клеймом. У нас город маленький, уже ленивый не обсуждает твое якобы изнасилование. Никогда замуж не выйдешь, подумай, кому такая нужна? Карьеру не построишь. Родителей пожалей, им уже и так людям в глаза стыдно смотреть.

Я понимаю, что чем меньше город, тем сильнее чувствуется в нем влияние тех, кто у власти. Люди наверху руководят мнением толпы. Толпа – ведомая, идет, куда направишь. И топчет таких, как я, плывущих против течения.

В этот же вечер я звоню Ваниным родителям и ставлю перед фактом, что если они не будут меня лучше поддерживать, то сдамся. Просто не могу. Я маленькая, слабая, про-

тив меня целый мир. Я стараюсь, но чувствую, что начинаю прогибаться.

Предсказания завуча начинают сбываться. Постепенно из подающего надежды молодого педагога с красным дипломом я превращаюсь в... шлюху. Работаю преимущественно со старшеклассниками, среди которых пошел слухок, который постепенно достиг ушей их родителей. На стол завучу посыпались жалобы и просьбы дать классу другого учителя. Благонадежного. А то я пример плохой подаю детям. Я ходила по своим преподавателям в университете, собирала рекомендательные письма. Представьте себе, понадобились!

За моей спиной поначалу шушукались школьники, затем коллеги. Мужская составляющая нашего коллектива рискнула позволять в мою сторону балансирующие на грани пошлости шуточки, и руководство спускало это с улыбкой на тормозах. Я молчала. Не плакала, не ругалась. Только волосы перестала убирать в прически, за распущенными проще прятаться, они на лице теперь у меня постоянно, тонкими прядями перед глазами. Меня не увольняли, это было бы слишком очевидным прессингом, мне создавали невозможные для работы условия.

Каждый педсовет – испытание. Что бы ни сделала – ко всему придираются, все не так и все не то. Весь коллектив не заполнил электронный журнал – проверку начали с меня, и на мне же закончили. Публично отчитали при всех. Коллеги

позволяют себе брать мои журнал и планы, черкать, писать комментарии. Затем, на планерках, критикуют и ставят в отрицательный пример.

Из моего ежедневника одна за другой исчезли записи о запланированных внеклассных занятиях: от моих услуг отказывались без объяснения причин, что ощутимо полоснуло по заработку. Я по-прежнему оплачивала коммуналку и Люськины допзанятия, поэтому на личные нужды практически ничего не оставалось.

Наш адвокат выбрал следующую стратегию: будто мы с Ваней давно встречаемся, и в ночь моего двадцатитрехлетия парень нашел меня с помощью GPS в телефоне и в состоянии аффекта кинулся защищать. А выиграв один суд и засадив трио за решетку по обвинению в групповом изнасиловании, можно даже не сомневаться, что спасем и Ваню. Несмотря на бурную активность Василия, у нас по-прежнему остаются прекрасные шансы на победу. Одной надеждой и живем. Боремся.

Но даже вид нельзя сделать, что тяжело приходится. Некому поплакаться, у всех один совет: раз тебе тяжело – сдавайся.

Нормально мне. Со стороны мне всегда нормально. А внутри пустошь. Внутри я давно спрыгнула с крыши и лежу на асфальте, истекаю кровью, живая еще, но никто и руку помощи не протянет. Прохожие лишь уточняют: «точно в порядке?» Да точно! Под контролем все!

Понимаю, что меня пытаются загнать в угол. А из хорошего в жизни остались лишь воспоминания о той чудесной неделе, которую мы с Ваней провели вместе. Всего лишь одна неделя... это ведь ничтожно мало. Для большинства людей ее было бы недостаточно, чтобы месяцами противостоять прессингу, держась на пределе возможностей. И я стала бояться, что еще чуть-чуть – и забуду его, забуду, ради чего бьюсь. Я ведь тоже человек, иногда измученный, иногда сомневающийся. А когда тебе по сто раз на дню разные люди вдалбливают, что на самом деле все было иначе, невольно задумываешься, а как оно в действительности-то было?

Чтобы не забывать, я выкупила за хорошие деньги у соседа Ванькину ветровку, и куталась в нее. Она, увы, уже не пахла первым хозяином, стиранная-перестиранная на сто рядов после того, как он в последний раз ее надевал. Но я стащила из дома его родителей его туалетную воду и побрызгала воротник. Потом вернула на место бутылочку, конечно, так же незаметно. Теперь мне есть что обнимать во сне. Я будто снова сплю с Ваней... Тем самым, который, вероятно, уже и правда меня ненавидит. Он ни разу не позвонил мне и не ответил ни на одно мое письмо.

Что же я ему писала... Ничего особенного на самом деле. Очень сложно вот так взять и написать письмо человеку, который из-за тебя проходит круги ада. Тем более, что эти письма вскрывают перед тем, как отдать адресату. Ваню

давно уже вернули обратно в камеру с перевязанными руками, сидит там, бедненький, хотя должен был давно в Край уехать. Из этого проклятого города.

Каждый раз буквально несколько строчек синей пастой от руки о погоде, о том, что скучаю. О своем быте, каких-то насущных проблемах. И в конце непременно: я тебя люблю больше жизни.

Если эти письма читает кроме него вся тюрьма, пусть читает. Мне стыдиться нечего.

Лежу сейчас на кровати, вспоминаю все, что случилось со мной за последние месяцы, в голове прокручиваю. Что я там в начале своего рассказа говорила? Что колючая теперь, ершистая? Теперь-то понятно, почему такой стала. Что впереди нас ждет – понятия не имею. Но вы теперь многое знаете, решить для себя можете, поддержать нас или отвернуться, как остальные, у виска покрутив.

Восьмое марта завтра, а настроения праздничного совсем нет. Тяжелые полгода. Для *него*, конечно, особенно, но и нам здесь на свободе с его мамой непросто. На его родителей тоже валится, поверьте – «вырастили сына-преступника». Далеко не все знакомые и даже друзья и родственники вдумываются в ситуацию и докапываются до правды. Видят картинку, что парня упекли за решетку. Раз упекли – значит, заслужил! Семья благополучная, многие порадовались, что единственный сын и неудачный. Его маме на работе уже да-

ли понять, что если парня не оправдают, чтобы валила на все четыре стороны. Ее должность не настолько значительная, чтобы можно было переломить ход действий. А куда она пойдет в ее возрасте, привыкшая к идеальным условиям труда?

И про девку, которую якобы «спасал», теперь не просто слушок гуляет, что та еще потаскушка, в ее безнравственности никто давно не сомневается. Это я про себя сейчас. И про суд против сына Василия, который мы проиграли. С треском, ахово, фатально. Подали апелляцию, но шансы переломить ход дела – ничтожные. Что делать? Понятия не имею.

На слушании случился сущий кошмар, я с трудом понимала, что происходит, тарасилась на своего побледневшего адвоката, догадываясь, что он тоже ничего не может поделать. Защита троицы предъявила якобы подписанный мною договор трудоустройства в службе эскорта, один за другим заходили свидетели, которые вроде как пользовались моими услугами. Бармен, что угощал нас с Оксаной в День моего рождения, подтвердил, что будто бы слышал какой-то разговор, свидетельствующий в пользу того, что с троицей я пошла добровольно...

Мои родители дали показания, признав, что я у них проблемная, шлюховатая и вообще, они в курсе, что я состою в службе эскорта и что моя работа частенько не ограничивается условиями контракта. Они ничуть не удивились, что я могла по собственной воле с удовольствием развлекаться с тремя парнями в парке.

Судье показывали какие-то фотографии, видеозаписи, а у меня, казалось, земля уходит из-под ног. Я не ожидала. Мы не ожидали. Мы оказались беззащитными против возмутительной, бессовестной лжи. Младшего с друзьями отпустили на свободу прямо в зале суда. А я, как и пророчил Василий, пошла по статье за дачу заведомо ложных показаний.

По сути, что у меня осталось? Полностью испорченная репутация в сотысячном городе, который, по ощущениям, сузился до размеров крохотной деревеньки, где самый дальний сосед от тебя живет через улицу. Раздутый скандал с поднятыми на поверхность неудобными подробностями, потерянная работа, грозящий в перспективе неподъемный штраф, плюс оплата судебных издержек пострадавшей стороне. Пострадавшей от моей клеветы стороне.

В деле Ваньки то прогресс и надежда, но чаще вниз с горы, какие-то свидетели находятся, какие-то друзья против него свидетельствуют, что он опасен, неуравновешен... не первая драка, каких-то пострадавших ранее откапывают. Мама его меня не любит. Она старается, конечно, это скрывать, да и зачастую ей просто больше некому поплакаться, а я всегда послушаю и поддержу. Не может она меня оттолкнуть, я ведь еще нужна им из-за показаний. Адвокат все еще придерживается нашей стратегии, готовится подавать апелляцию. Но по факту... знаю ведь, что в глубине души она именно меня винит в бедах сына. И сложно ее осудить за это.

Ему всего двадцать лет... С ума сойти! А по разговору и рассуждениям не скажешь. Мне с ровесниками-то обычно скучновато общаться, а он зацепил. Еще как зацепил!

Вообще, мне и до него было сложно парня найти, даже до планки, которую он задрал за несколько дней. Возможно, образование влияет, может, я сама по себе такая. Иногда мне кажется, что хоть в паспорте одни цифры, я родилась уже двадцативосьмилетней занудой. Да и еще откуда-то это обостренное чувство справедливости – одна мысль о том, чтобы взять деньги у Василя, выводит из равновесия и тошноту вызывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.